Научная статья
УДК 141.7:342.7

ВОЗМОЖЕН ЛИ УНИВЕРСАЛИЗМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА БЕЗ ЕДИНОГО МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ? СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ФИЛОСОФСКОГО ОБОСНОВАНИЯ

Кочарский Лев Савельевич, кандидат философских наук, младший научный сотрудник, ФИЦ "Субтропический научный центр РАН", Россия, Сочи, kocharskii.l@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется возможность обоснования универсальности прав человека при отсутствии единого метафизического представления об их происхождении и нормативной обязательности. Рассмотрены различия между моральными правами, юридическими гарантиями и международной правозащитной практикой. На основе сопоставления концепции нормативной самостоятельности Дж. Гриффина, подхода человеческих возможностей М. Нуссбаум и политических теорий Ч. Бейтца и Дж. Раза определены пределы объяснительных возможностей каждой модели. Особое внимание уделено разграничению универсальности действия прав, общности их философского обоснования и единообразия осуществления. Методологическую основу исследования составляют сравнительный анализ нормативных концепций, понятийная реконструкция и критическое рассмотрение научных публикаций 2024–2026 гг. Установлено, что множественность философских оснований совместима с универсальной обязательностью основных прав, однако совпадение отдельных моральных убеждений само по себе не обеспечивает их нормативной состоятельности. Предложено понимание ограниченного нормативного универсализма, предполагающее признание равного морального статуса личности, необходимость публичного обоснования ограничений свободы и определённость обязанностей общественных институтов. Показано, что

культурные различия могут влиять на способы осуществления прав, не оправдывая исключения отдельных категорий людей из сферы их защиты.

Ключевые слова: права человека; нормативный универсализм; культурный релятивизм; философское обоснование; человеческое достоинство; политическая легитимность; моральный плюрализм.

Original article

IS HUMAN RIGHTS UNIVERSALISM POSSIBLE WITHOUT A SINGLE METAPHYSICAL FOUNDATION CONTEMPORARY STRATEGIES OF PHILOSOPHICAL JUSTIFICATION

Kocharskii Lev Savelevich, Candidate of Philosophical Sciences, Junior Researcher, Subtropical Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Sochi, Russia, kocharskii.l@yandex.ru

Annotation. The article examines whether human rights can retain universal normative validity without a single metaphysical foundation. It distinguishes moral human rights, legally established guarantees, and international human rights practices. The analysis compares James Griffin's personhood-based account, Martha Nussbaum's capabilities approach, and the political conceptions developed by Charles Beitz and Joseph Raz. Particular attention is given to the distinction between universal validity, common justification, and uniform implementation. The study employs comparative conceptual analysis and examines academic publications from 2024–2026. It argues that a plurality of philosophical foundations is compatible with the universal validity of fundamental rights, provided that normative justification cannot be reduced to prevailing cultural beliefs or political agreements. The proposed account of limited normative universalism rests on equal moral standing, publicly defensible restrictions on political power, and identifiable institutional duties. Cultural differences may influence the implementation of human rights but cannot justify excluding individuals from fundamental protection.

Keywords: human rights; normative universalism; cultural relativism; philosophical justification; human dignity; political legitimacy; moral pluralism.

Введение. Универсальность прав человека составляет нормативную предпосылку современного политического порядка, однако её философское обоснование остаётся дискуссионным. Признание определённых прав за каждым человеком независимо от гражданства, культурной принадлежности и общественного положения ещё не объясняет, почему соответствующие требования обязательны для носителей различных мировоззрений. Особенно заметным это затруднение становится при столкновении религиозных, светских и культурно обусловленных представлений о человеческом достоинстве, свободе и справедливости.

Современная философия прав человека разграничивает вопросы об их природе, содержании, нормативных основаниях и юридическом статусе. Дж. Никель и А. Этинсон отмечают, что признание универсального характера прав не предполагает единодушия относительно источника их обязательности [1]. Различные философские традиции способны обосновывать сходные требования, исходя из представлений о человеческой природе, индивидуальной свободе, общественном благе или пределах политической власти. Вместе с тем совпадение нормативных выводов не устраняет необходимости установить критерии их обоснованности.

Проблема приобретает особую остроту в условиях мировоззренческого многообразия и противоречивой международной правозащитной практики. М.А. Лихачев рассматривает универсальность прав человека как нормативное притязание, которое нельзя отождествлять с их фактическим признанием во всех обществах [2]. Подобное различение принципиально: нарушение права не доказывает отсутствия соответствующей обязанности, а распространённость определённого обычая не свидетельствует о его нравственной оправданности.

Обсуждение универсализма осложняется также избирательным

применением правозащитных норм в международных отношениях. Политическое использование правозащитных норм способно усиливать сомнения в их нейтральности, однако недостатки их применения сами по себе не опровергают обоснованности этих норм. Необходимо различать обоснованность самого права, легитимность защищающих его институтов и допустимость конкретных способов политического воздействия.

Цель исследования состоит в определении условий, при которых универсальность прав человека может быть обоснована без обращения к единой метафизической теории их происхождения. Объектом выступают нормативные отношения личности, общества и политической власти; предметом — философские основания универсальной обязательности прав человека.

Исходная гипотеза заключается в том, что всеобщая значимость определённого права и единственность его философского основания представляют самостоятельные характеристики нормативной теории. Множественность допустимых обоснований не обязательно ведёт к моральному релятивизму, однако требует критериев, препятствующих произвольному изменению содержания прав под влиянием культурных обычаев или политических интересов.

Обзор литературы. Проблема универсальности прав человека рассматривается преимущественно через противоречия между нормативной обязательностью, культурным многообразием и политическими условиями осуществления прав. Исследователи расходятся прежде всего в определении того, может ли универсальная норма сохранять независимость от исторической среды своего возникновения и существующей международной практики.

Н.В. Панкевич связывает современный кризис правозащитного универсализма с изменением межцивилизационных отношений и политическим использованием прав человека [5]. Б.В. Лесив обращается к послевоенной истории формирования правозащитных стандартов, подчёркивая значение первоначальных целей международной системы [11]. Историческое

происхождение прав, однако, не может рассматриваться как исчерпывающее объяснение их обязательности. Нормативная состоятельность требования предполагает возможность его критической оценки независимо от обстоятельств первоначального признания.

Иную исследовательскую задачу решает Р. Макам, рассматривающий универсальность прав человека через критику отношений политического господства и конструктивистское обоснование взаимных обязанностей [3]. В российской литературе близкая постановка вопроса представлена И.А. Андреевой, анализирующей право на оправдание в теории Р. Форста [4]. Оба подхода позволяют перенести внимание с поиска единственного представления о человеческой сущности на исследование оснований, которыми публичная власть оправдывает обращённые к личности требования.

Значительная часть современных исследований посвящена культурным ограничениям универсализма. П. Агьаре рассматривает влияние общественных традиций на восприятие прав человека в мультикультурной среде [6]. Х. Йегане обнаруживает различия между ценностями Всеобщей декларации прав человека и установками традиционных и модернизированных обществ [8]. Эти выводы важны для понимания условий признания прав, но не доказывают, что обязательность прав зависит исключительно от распространённости соответствующих убеждений.

Ж. Феррейра Диас исследует пределы культурного релятивизма применительно к международной защите прав человека [10]. С.И. Петрова и И.Ф. Петров подчёркивают необходимость учитывать историческую изменчивость культур и опасность этноцентрических оценок [12]. В работах Х.Х. Пичардо Трехо и Г. Агуадо Ромеро [13], а также В. Мицика и А. Басисты [14] особое внимание уделено противоречиям между всеобщими правозащитными стандартами и практикой их толкования в неоднородной культурной среде.

Н.В. Варламова рассматривает самостоятельность юридической формы по отношению к нравственным требованиям [7]. В.В. Зубов, напротив,

сосредоточен на значении ценностных оснований публичной политики и их взаимодействии с правами личности [9]. Эти исследования показывают, что юридическое закрепление нормы не тождественно её философскому обоснованию, хотя правовые нормы и нравственные требования взаимосвязаны в общественной практике.

Анализ литературы показывает, что универсальность самих прав и универсальность их философского обоснования не всегда чётко разграничиваются. Первая характеризует круг носителей нормативного требования, вторая — основания признания его обязательности. Отсутствие различения приводит либо к поиску единственной мировоззренческой доктрины, либо к признанию прав полностью зависимыми от культурного согласия. Для преодоления указанного затруднения требуется сопоставление самостоятельных философских стратегий обоснования.

Методы исследования. Исследование выполнено средствами сравнительного и понятийного анализа нормативных концепций. Источниковую основу составляют научные публикации; при анализе концепций Дж. Гриффина, М. Нуссбаум, Ч. Бейтца и Дж. Раза учитываются их основные положения и современные научные интерпретации.

Сопоставление проводится по характеру исходного нормативного основания, способу определения содержания прав и пониманию обязанностей публичной власти. Отдельное значение имеет различие между моральным требованием, его юридическим признанием и международной практикой защиты. При критическом анализе культурного релятивизма необходимо различать факт разнообразия обычаев и утверждение о том, что справедливость зависит от местной традиции.

Обоснованность выводов проверяется на примерах запрета пыток, свободы совести и права на базовое образование. Эти случаи позволяют выявить различия между безусловным запретом определённого обращения с человеком, свободой от неправомерного принуждения и положительными обязанностями

государства. Исследование имеет теоретический характер и не предполагает получения первичных эмпирических данных.

Результаты исследования и их обсуждение. Философское исследование прав человека требует различать три уровня их существования. Моральные права представляют собой обоснованные требования, которые могут предъявляться независимо от законодательного признания. Юридические права закрепляются в нормативных актах и приобретают определённое содержание через правоприменительную практику. В рамках международной системы защиты прав человека признанные требования становятся предметом межгосударственных обязательств и деятельности международных органов.

Указанные уровни связаны между собой, но не тождественны. Юридическое закрепление определённой гарантии не доказывает её нравственной оправданности, равно как отсутствие законодательного признания не опровергает существования соответствующего морального требования. Например, запрет пыток сохраняет нормативное значение даже в государстве, которое не обеспечивает его соблюдения. Иначе неправомерность обращения с человеком зависела бы от решения самого субъекта, деятельность которого подлежит ограничению.

Аналогичное различение необходимо провести применительно к универсальности. В философской литературе соответствующее понятие используется для характеристики круга носителей прав, общности их нормативного основания и возможности практической защиты. Между тем указанные характеристики выражают различные требования к общественному порядку.

Таблица 1 — Основные значения универсальности прав человека

Вид универсальности	Содержание	Основное затруднение
Универсальность действия	Право принадлежит каждому человеку независимо от гражданства и культурной принадлежности	Исключение отдельных групп из сферы защиты

Универсальность обоснования	Обязательность права может быть оправдана перед представителями различных мировоззрений	Отсутствие единого представления о человеческой природе
Универсальность осуществления	Признанное право обеспечивается действующими общественными институтами	Различия в ресурсах, политическом устройстве и правовых гарантиях

Источник: составлено на основе анализа нормативных концепций [1–4].

Из представленного разграничения следует, что общность философского основания не составляет необходимого условия универсальности действия права. Сторонники разных мировоззрений способны признавать запрет пыток, руководствуясь представлениями о достоинстве личности, недопустимости причинения страданий или ограничении политической власти. Различие мотивов признания не препятствует совпадению нормативных требований. Вместе с тем согласие, основанное исключительно на распространённости определённых убеждений, не обеспечивает независимости прав от изменений общественного мнения.

Принципиальным становится вопрос о возможности обоснования прав за пределами конкретной мировоззренческой системы. Если справедливость определяется только убеждениями большинства, у меньшинства не остаётся самостоятельных оснований для оспаривания дискриминационных решений. Напротив, признание морального статуса личности предполагает существование требований, которые сохраняют обязательную силу независимо от фактического согласия с ними.

Натуралистическая концепция Дж. Гриффина. Одной из наиболее последовательных попыток определить самостоятельное основание прав человека выступает теория нормативной самостоятельности личности. Дж. Гриффин связывает их с ценностью человеческой способности формировать жизненные цели и осуществлять осмысленный выбор. В такой интерпретации защите подлежит не любая индивидуальная потребность, а возможность человека самостоятельно определять ход своей жизни.

Преимущество данного подхода заключается в относительно определённом критерии моральной значимости прав. Общественные практики, систематически лишающие человека самостоятельности, могут оцениваться как неправомерные независимо от их исторического распространения. Соответствующее основание позволяет объяснить необходимость защиты свободы личности, не обращаясь непосредственно к существующим законодательным нормам.

Однако нормативная самостоятельность не охватывает без дополнительных предпосылок всё содержание прав человека. Трудности возникают при объяснении равного статуса малолетних детей и людей с существенно ограниченными возможностями самостоятельного выбора. Если права непосредственно выводятся из наличия определённых способностей, возникает риск неравного признания прав людей, различающихся по степени развития этих способностей.

Не менее существенна проблема перехода от общего принципа автономии к конкретным обязанностям. Защита самостоятельности может обосновывать свободу слова, доступ к образованию и определённые социальные гарантии, но сама по себе не определяет необходимый объём каждого права. Для этого приходится учитывать общественные условия и значимость соответствующего интереса. Следовательно, единое антропологическое основание нуждается в дополнительной нормативной аргументации.

Подход человеческих возможностей М. Нуссбаум. Иную стратегию предлагает теория, в которой права рассматриваются через необходимые условия достойной человеческой жизни. М. Нуссбаум обращает внимание на различие между формальным признанием свободы и реальными возможностями её осуществления. Наличие юридической гарантии не всегда обеспечивает способность человека пользоваться ею: бедность, отсутствие образования и социальная зависимость способны существенно ограничивать самостоятельность даже при отсутствии прямого государственного запрета.

В концепции Нуссбаум нормативная оценка сосредоточена на центральных человеческих возможностях, необходимых для достойного существования. Такое понимание позволяет обосновывать значение социально-экономических прав без их противопоставления личным свободам. Общественные институты должны учитывать не только распределение благ, но и условия, при которых человек способен использовать предоставленные возможности.

Важное достоинство этого подхода связано с признанием различий между людьми. Одинаковые ресурсы не всегда обеспечивают сопоставимую свободу, поскольку индивидуальные потребности и жизненные обстоятельства существенно различаются. Вместе с тем теория возможностей не предполагает принуждения к определённому образу жизни. Следует защищать свободу выбора, а не навязывать человеку заранее установленное представление о благополучии.

Главное философское затруднение возникает при определении перечня основных возможностей. Его состав отражает представление о достойной жизни, которое само требует обоснования. Необходимо также объяснить, почему отдельные человеческие потребности приобретают статус универсальных прав и какие именно обязанности следуют из их признания. Без такого разграничения категория прав человека может чрезмерно расширяться, утрачивая нормативную определённость.

Политические концепции Ч. Бейтца и Дж. Раза. В отличие от подходов, выводящих права из свойств человеческой личности, политические теории исследуют их место в устройстве современных общественных институтов. Ч. Бейтц рассматривает права человека в контексте международного политического порядка, связывая их с защитой значимых интересов личности и обязанностями государств. В концепции Дж. Раза особое значение имеет роль прав человека в ограничении государственного суверенитета.

Обращение к политической практике позволяет объяснить, почему

определённые моральные требования становятся предметом международной ответственности. Однако их обязательность нельзя полностью отождествлять с уже существующими институциональными решениями. Если содержание права определяется исключительно действующей практикой, последняя оказывается одновременно источником нормы и объектом её критической оценки.

Особенно заметно это противоречие при рассмотрении государств, систематически нарушающих права отдельных категорий населения. Историческая устойчивость дискриминационной практики не свидетельствует о её справедливости. Политическая теория сохраняет критический потенциал только при наличии нормативных оснований, позволяющих оценивать существующие институты независимо от их собственного представления о допустимом.

Сопоставление рассмотренных концепций показывает, что каждая объясняет определённую сторону прав человека. Теория Гриффина выявляет основания морального статуса личности, Нуссбаум уточняет социальные условия осуществления свободы, а Бейтц и Раз обращаются к обязанностям публичной власти. Различия между подходами не требуют признания одного из них исключительно верным, однако их совместное применение нуждается в общем критерии нормативной допустимости.

Таблица 2 — Сравнение философских стратегий обоснования прав человека

Критерий	Дж. Гриффин	М. Нуссбаум	Ч. Бейтц и Дж. Раз
Исходное основание	Нормативная самостоятельность личности	Центральные человеческие возможности	Основные интересы человека и ограничения публичной власти
Предмет защиты	Способность самостоятельно определять жизненные цели	Условия достойной жизни	Интересы личности, требующие институциональных гарантий
Объяснение универсальности	Общая ценность человеческой самостоятельности	Фундаментальное значение основных возможностей	Нормативная роль прав в современном политическом порядке

Теоретическое затруднение	Определение прав лиц с ограниченной самостоятельностью	Обоснование перечня возможностей	Зависимость от исторически изменчивой практики

Источник: составлено на основе сравнительной реконструкции концепций с учётом [1; 3; 4].

Результаты сравнения позволяют отказаться от предположения, что единое метафизическое основание необходимо для признания любого универсального права. В то же время механическое соединение нескольких концепций не устраняет противоречий между ними. Требуется определить условия, при которых различные способы обоснования обеспечивают совместимые нормативные выводы.

Культурный релятивизм и проблема общеобязательности прав. Обсуждение универсализма нередко строится на противопоставлении всеобщих моральных требований и исторически сложившихся культурных традиций. Однако само понятие релятивизма объединяет неодинаковые утверждения. Признание разнообразия нравственных обычаев представляет собой описательное суждение; тезис о зависимости справедливости от господствующих представлений конкретного общества имеет уже нормативное содержание.

Первое положение не вызывает принципиального затруднения для универсализма. Различные общества действительно по-разному определяют обязанности личности, допустимые формы поведения и способы общественного взаимодействия. Из наличия таких различий, однако, не следует равная моральная оправданность любых практик. Описание существующего обычая не может заменить аргумент о его справедливости.

Строгий моральный релятивизм предполагает, что нормативное значение требования полностью определяется культурной системой, в пределах которой оно принято. Последовательное применение данного положения исключает возможность независимой критики общественного большинства. Если дискриминационная практика признаётся традиционной, представители

ущемляемой группы могут требовать её пересмотра лишь при условии изменения коллективных убеждений. Между тем права человека имеют особое значение именно тогда, когда человеку необходима защита от господствующих представлений о допустимом обращении с ним.

Современные исследования культурного релятивизма позволяют уточнить пределы этой критики. П. Агьаре рассматривает влияние социальных норм на практическое восприятие прав человека [6]. Ж. Феррейра Диас связывает культурное разнообразие с особенностями международной защиты [10]. С.И. Петрова и И.Ф. Петров обращают внимание на изменчивость культурных традиций и значение межкультурного взаимодействия [12]. Подобные выводы препятствуют представлению об отдельных культурах как внутренне однородных образованиях.

Опасность культурного обобщения проявляется при отождествлении религиозной или цивилизационной принадлежности с неизменным отношением к правам человека. Внутри любого общества могут существовать различные представления о свободе, справедливости и достоинстве. Приписывание всем его представителям единой позиции лишает самостоятельного значения внутрикультурные разногласия. Кроме того, право личности критически пересматривать собственные традиции составляет одно из существенных условий нравственной и политической самостоятельности.

В исследованиях Х.Х. Пичардо Трехо и Г. Агуадо Ромеро [13] рассматриваются противоречия между универсалистскими требованиями и цивилизационными представлениями. В. Мицик и А. Басиста показывают, что учёт культурного контекста допустим при толковании прав, но не должен оправдывать нарушения фундаментальных запретов [14]. Такое разграничение позволяет сохранить значение общественных различий, не превращая их в основание для исключения человека из сферы нормативной защиты.

Отдельного внимания заслуживает критика политически избирательного применения правозащитных принципов. Р. Макам рассматривает её через

отношения господства и неравенства в международном порядке [3]. Однако нарушение универсального требования определённым государством либо международным институтом не доказывает несостоятельности самого требования. Напротив, возможность оценивать противоречивую практику предполагает наличие независимого нормативного критерия.

Историческая обусловленность происхождения прав человека также не равнозначна ограниченности их действия. М.А. Лихачев показывает, что связь международной правозащитной доктрины с европейской интеллектуальной традицией не исключает её универсального притязания [2]. Следовательно, при критике европоцентризма необходимо учитывать содержание обоснования прав человека и условия участия различных обществ в его формировании, а не только географическое происхождение соответствующих идей.

Дискурсивное обоснование и возможность нормативного согласия. Перспективу преодоления указанных затруднений открывает теория Р. Форста, связывающая моральный статус личности с правом требовать оправдания затрагивающих её решений. И.А. Андреева рассматривает данный подход как способ обоснования универсальности, допускающий мировоззренческое многообразие [4]. Его значение определяется тем, что человек признаётся не только адресатом обязательных требований, но и участником их нормативной оценки.

В рамках такой позиции публичная власть должна предоставлять основания для решений, ограничивающих основные человеческие интересы. Наличие установленной законом компетенции ещё не делает соответствующее решение справедливым. Требование оправдания предполагает возможность критически обсуждать основания принуждения, причём ни один участник не должен обладать исключительной привилегией определять обязательные нормы без учёта положения других.

Однако согласие, достигнутое в условиях фактической зависимости, нельзя автоматически считать результатом равноправного обсуждения.

Экономическое неравенство, ограничения свободы выражения мнений и угроза наказания могут ставить под сомнение обоснованность согласия, достигнутого в ходе обсуждения. Поэтому дискурсивное обоснование предполагает не только формальное участие, но и признание равного положения лиц, на которых распространяются принимаемые решения.

Отсюда обнаруживается важная особенность рассматриваемой теории. Отказ от единого метафизического основания не означает устранения моральных предпосылок. Равное право требовать оправдания само опирается на признание нормативной значимости личности. Различие заключается в том, что соответствующее требование не предписывает каждому участнику принять одну философскую антропологию.

Представители разных мировоззрений могут признавать недопустимость унижения человека, связывая её с религиозным пониманием достоинства, ценностью автономии или необходимостью ограничения власти. Такое совпадение не следует рассматривать как доказательство полного согласия относительно природы морали. Оно показывает возможность общего нормативного вывода при неодинаковых исходных основаниях.

Вместе с тем пересечение философских позиций не может быть единственным критерием справедливости. Исторически устойчивое согласие большинства способно поддерживать и неправомерные общественные практики. Поэтому множественное обоснование допустимо лишь в том случае, если не предполагает отрицания равного морального статуса человека и сохраняет возможность оспаривания существующих норм.

Представленная схема позволяет разграничить происхождение нормативного требования и основания, по которым оно признаётся обязательным. Несколько самостоятельных философских оснований могут поддерживать общий принцип, не устраняя мировоззренческих разногласий. Однако его институциональное содержание должно определяться с учётом защищаемого интереса, обязанностей публичной власти и возможности

независимой защиты личности.

Ограниченный нормативный универсализм: основания и пределы. Проведённое сопоставление позволяет предложить понимание универсальности, не предполагающее обязательного принятия единой метафизической теории. Его исходным положением выступает равный нормативный статус человека, который не может зависеть исключительно от гражданства, религиозных убеждений или принадлежности к общественному большинству.

Равенство статуса, однако, недостаточно для автоматического признания любого притязания универсальным правом. Необходимо установить, что защищаемый интерес имеет существенное значение для самостоятельного существования личности, а отсутствие его защиты создаёт недопустимую зависимость или препятствует осуществлению основных человеческих возможностей. Такое требование позволяет ограничить необоснованное расширение категории прав человека.

Следующее условие связано с определённостью обязанностей. При обосновании права необходимо определить, кто отвечает за его соблюдение и какие действия для этого требуются. Обязанности могут заключаться в воздержании от неправомерного вмешательства либо в обеспечении необходимых общественных гарантий. Различие их содержания не означает различия в моральном статусе носителей права.

Наконец, допустимые ограничения требуют публичного оправдания. Политическое большинство и государственные институты не вправе считать собственную волю окончательным основанием справедливости. Должна быть обеспечена возможность оспаривать по существу решения, затрагивающие основные интересы личности. Соответствующее требование сохраняет значение независимо от того, какое философское объяснение человеческого достоинства принимается в конкретном обществе.

Таким образом, ограниченный нормативный универсализм предполагает единство критериев допустимости при множественности философских

оснований. Он не требует устранения культурных различий, но исключает использование последних для произвольного отказа человеку в фундаментальной защите.

Проверка предложенного подхода на конкретных правах. Запрет пыток можно обосновывать с разных моральных позиций: исходя из достоинства личности, телесной неприкосновенности либо недопустимости произвольного государственного насилия. Его можно обосновывать достоинством личности, телесной неприкосновенностью либо недопустимостью произвольного государственного насилия. Философские различия не изменяют содержания запрета и не предполагают культурно обусловленных исключений. Здесь универсальность действия права совместима с множественностью его обоснований.

В случае свободы совести соотношение общего содержания права и способов его осуществления оказывается более сложным. Различные государства могут по-разному организовывать взаимодействие публичных институтов с религиозными объединениями. Однако организационные особенности не должны лишать человека возможности придерживаться собственных убеждений, изменять их или отказываться от религиозной принадлежности. Универсальное содержание права сохраняется при неодинаковом институциональном оформлении.

Право на базовое образование требует определения положительных обязанностей общественных институтов. Его нормативное значение связано с условиями самостоятельной жизни и возможностью участия в общественных отношениях. Различия в экономических ресурсах могут влиять на способы организации образовательной системы, но сами по себе не опровергают значимости защищаемого интереса. При этом обоснование права должно включать определение необходимого содержания гарантии и субъектов, ответственных за её обеспечение.

Рассмотренные примеры показывают, что универсальность не

предполагает одинаковой структуры всех прав. Безусловные запреты, индивидуальные свободы и социальные гарантии различаются по характеру обязанностей и допустимой степени организационного разнообразия. Общим остаётся требование не исключать человека из сферы защиты на основании его культурной принадлежности или положения в обществе.

Следовательно, множественность философских объяснений не равнозначна относительности самих прав. Она допустима постольку, поскольку различные основания сохраняют общие требования к обращению с личностью, позволяют устанавливать обязанности институтов и предусматривают возможность критической оценки ограничений свободы.

Выводы. Результаты исследования подтверждают, что универсальность прав человека не требует существования единого метафизического основания. Всеобщая обязательность нормативного требования и единственность его философского объяснения относятся к различным характеристикам теории. Представители неодинаковых мировоззренческих традиций могут признавать совпадающие права, не разделяя общего понимания человеческой природы и происхождения нравственности.

Сопоставление концепций Дж. Гриффина, М. Нуссбаум, Ч. Бейтца и Дж. Раза позволило установить самостоятельное значение антропологических, социальных и политических оснований прав человека. Первая модель раскрывает нормативную ценность самостоятельности личности, вторая — необходимые условия осуществления свободы, третья — характер ограничений и обязанностей публичной власти. Ни одна из них не даёт исчерпывающего объяснения всего содержания универсальных прав без привлечения дополнительных нормативных предпосылок.

Культурный релятивизм сохраняет значение при исследовании исторически обусловленных нравственных представлений, однако многообразие общественных практик не доказывает относительности справедливости. Признание культурных различий совместимо с универсализмом при условии,

что особенности традиций не становятся основанием для исключения отдельных людей из сферы фундаментальных прав.

Предложенное понимание ограниченного нормативного универсализма основывается на признании равного морального статуса личности, существенной значимости защищаемых интересов, определённости обязанностей и возможности публичного оправдания ограничений свободы. Указанные условия позволяют отличить допустимое многообразие философских обоснований от произвольного изменения содержания прав.

Проверка подхода на примерах запрета пыток, свободы совести и права на образование показала, что универсальные требования допускают неодинаковые способы институционального осуществления. При этом различия в устройстве правовых институтов не отменяют обязанности защищать соответствующие интересы. Необходимым остаётся различение универсальности действия права, общности его философского обоснования и фактических условий реализации.

Таким образом, универсализм прав человека можно обосновать без единого метафизического основания, хотя такое обоснование имеет определённые пределы. Множественность мировоззренческих позиций совместима с общеобязательностью прав человека, если сохраняются независимые от культурной принадлежности критерии их признания и защиты. Для социальной и политической философии данный вывод позволяет рассматривать права человека как нормативные пределы публичной власти, не сводимые ни к существующему законодательству, ни к решениям большинства, ни к исторически сложившемуся культурному согласию.

Список литературы

1. Nickel J., Etinson A. Human Rights // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2024. Revised May 31, 2024. URL: https://plato.stanford.edu/entries/rights-human/.

2. Лихачев М.А. Универсальность международных стандартов прав человека: необходимая утопия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 1. С. 40–67. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.1.40.67.

3. Makam R. Justifying Utopia: A Constructivist Account of Human Rights Against Hegemony // Peace Review. 2024. Vol. 36. No. 4. P. 717–726. DOI: 10.1080/10402659.2024.2390917.

4. Андреева И.А. Проблема обоснования универсальности прав человека: современные подходы // История государства и права. 2026. № 1. С. 10–14. DOI: 10.18572/1812-3805-2026-1-10-14.

5. Панкевич Н.В. Права человека в условиях цивилизационного многообразия: социетальные истоки кризиса // Антиномии. 2025. Т. 25. Вып. 4. С. 67–86. DOI: 10.17506/26867206_2025_25_4_67.

6. Agyare P. Contextualizing Human Rights in Multicultural Environments // Research in Social Sciences and Technology. 2024. Vol. 9. No. 3. P. 210–230. DOI: 10.46303/ressat.2024.56.

7. Варламова Н.В. Право и мораль: проблемы разграничения и совмещения в современном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2026. Т. 30. № 3. С. 471–490. DOI: 10.22363/2313-2337-2026-30-3-471-490.

8. Yeganeh H. Is the Universal Declaration of Human Rights Culturally Universal? A Modernization Theory Perspective // Journal of Developing Societies. 2025. Vol. 41. No. 2. P. 268–292. DOI: 10.1177/0169796X241309198.

9. Зубов В.В. Ценностная политика и права человека: опыт политико-философского анализа // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 2. С. 15–23. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-15-23.

10. Ferreira Dias J. Can Cultural Relativism Affect the International Protection of Human Rights? // Revista Jurídica Portucalense. 2024. No. 36. P. 321–339. DOI: 10.34625/issn.2183-2705(36)2024.ic-14.

11. Лесив Б.В. Современная концепция прав человека: кризис забытой истории // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. № 1 (71). С. 143–172. DOI: 10.17072/1995-4190-2026-71-143-172.

12. Петрова С.И., Петров И.Ф. Культурный релятивизм как фактор преодоления

этноцентризма и утверждения идеалов толерантности // Век глобализации. 2025. № 4 (56). С. 29–38. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.03.

13. Pichardo Trejo J.J., Aguado Romero G. Human Rights and Clash of Civilizations, a Discussion Between Universalism and Cultural Relativism // Novum Jus. 2025. Vol. 19. No. 2. P. 19–43. DOI: 10.14718/NovumJus.2025.19.2.1.

14. Mitsik V., Basysta A. Contemporary Paradigm of Human Rights: Balancing Universality and Cultural Relativism // Law. Human. Environment. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 136–154. DOI: 10.31548/law/2.2026.136.

References

1. Nickel J., Etinson A. Human Rights // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2024. Revised May 31, 2024. URL: https://plato.stanford.edu/entries/rights-human/.

2. Lixachev M.A. Universal`nost` mezhdunarodny`x standartov prav cheloveka: neobxodimaya utopiya // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2024. T. 17. № 1. S. 40–67. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.1.40.67.

3. Makam R. Justifying Utopia: A Constructivist Account of Human Rights Against Hegemony // Peace Review. 2024. Vol. 36. No. 4. P. 717–726. DOI: 10.1080/10402659.2024.2390917.

4. Andreeva I.A. Problema obosnovaniya universal`nosti prav cheloveka: sovremenny`e podxody` // Istoriya gosudarstva i prava. 2026. № 1. S. 10–14. DOI: 10.18572/1812-3805-2026-1-10-14.

5. Pankevich N.V. Prava cheloveka v usloviyax civilizacionnogo mnogoobraziya: societal`ny`e istoki krizisa // Antinomii. 2025. T. 25. Vy`p. 4. S. 67–86. DOI: 10.17506/26867206_2025_25_4_67.

6. Agyare P. Contextualizing Human Rights in Multicultural Environments // Research in Social Sciences and Technology. 2024. Vol. 9. No. 3. P. 210–230. DOI: 10.46303/ressat.2024.56.

7. Varlamova N.V. Pravo i moral`: problemy` razgranicheniya i sovmeshheniya v sovremennom obshhestve // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2026. T. 30. № 3. S. 471–490. DOI: 10.22363/2313-2337-

2026-30-3-471-490.

8. Yeganeh H. Is the Universal Declaration of Human Rights Culturally Universal? A Modernization Theory Perspective // Journal of Developing Societies. 2025. Vol. 41. No. 2. P. 268–292. DOI: 10.1177/0169796X241309198.

9. Zubov V.V. Cennostnaya politika i prava cheloveka: opy`t politiko-filosofskogo analiza // Social`no-politicheskie nauki. 2024. T. 14. № 2. S. 15–23. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-15-23.

10. Ferreira Dias J. Can Cultural Relativism Affect the International Protection of Human Rights? // Revista Jurídica Portucalense. 2024. No. 36. P. 321–339. DOI: 10.34625/issn.2183-2705(36)2024.ic-14.

11. Lesiv B.V. Sovremennaya koncepciya prav cheloveka: krizis zaby`toj istorii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2026. № 1 (71). S. 143–172. DOI: 10.17072/1995-4190-2026-71-143-172.

12. Petrova S.I., Petrov I.F. Kul`turny`j relyativizm kak faktor preodoleniya e`tnocentrizma i utverzhdeniya idealov tolerantnosti // Vek globalizacii. 2025. № 4 (56). S. 29–38. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.03.

13. Pichardo Trejo J.J., Aguado Romero G. Human Rights and Clash of Civilizations, a Discussion Between Universalism and Cultural Relativism // Novum Jus. 2025. Vol. 19. No. 2. P. 19–43. DOI: 10.14718/NovumJus.2025.19.2.1.

14. Mitsik V., Basysta A. Contemporary Paradigm of Human Rights: Balancing Universality and Cultural Relativism // Law. Human. Environment. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 136–154. DOI: 10.31548/law/2.2026.136.

Статья поступила в редакцию 01.09.2026; одобрена после рецензирования 01.10.2026; принята к публикации 01.10.2026.

The article was submitted 01.09.2026; approved after reviewing 01.10.2026; accepted for publication 01.10.2026.